

А. М. БУРОВСКИЙ,

профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, доктор философских наук

ПЕТЕРБУРГ — ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ, СОЦИОПРИРОДНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Санкт-Петербург — явление совершенно исключительное во всей русской, а может быть, и в мировой истории. Петербург намного своеобразнее, чем все другие русские города, и сильнее отличается от любого другого города.

Обширнейшая литература о городе доказывает, что Санкт-Петербург можно не любить, ненавидеть, презирать. Можно считать само строительство города фатальной ошибкой, блажью придурковатого царя. Можно в панике бежать от него и объявить любовь к нему — заболеванием.

Но вот чего пока никому не удавалось так это игнорировать город. Никто не смог «прикоснуться» к нему и продолжать жить так, словно встречи не произошло.

Город как ландшафт. Город — это территория. Город — это некая целостность, через которую проходят разного рода границы. Необходимо уметь как-то разделять эту целостность, вычленять в ней разнообразные пространства. В ландшафтоведении хорошо известны такие «нецельные целостности» — урочища: сопряженные системы элементарных ячеек ландшафта (фаций).

Отдельные небольшие урочища складываются там, где участки городской застройки объединены вокруг какого-то важного

элемента городского ландшафта, например крупной улицы, площади, аллеи или набережной.

Дворцовая площадь — это урочище, потому что это сопряженная система фаций городской застройки: мощеной площади, разного типа строений вокруг, арки Генерального штаба, Александрийского столпа, Зимнего дворца.

В качестве городских урочищ можно рассматривать и Исаакиевскую площадь — нецельная цельность площади, аллеи, газонов, Медного всадника, Исаакиевского собора, «Англетера» и других сооружений. Таковы же и Невский проспект, и Университетская набережная, и аллея Энтузиастов, и Площадь Восстания.

Между всеми этими урочищами нет четкой грани, переходы между ними пронизаемы... Но разве этого нельзя сказать и о природных урочищах?

Город-эпоха, город-сцена, город-памятник. Петербург, который мы знаем, построен между 1760 и 1840 годами. При этом его исторический центр изменен и перестроен намного меньше, чем исторические центры Парижа, Берлина и Мюнхена. Город сам по себе, как застроенное пространство, — памятник этой эпохе; он как сцена, на которой вечно

разыгрывается жизнь той эпохи и более поздних времен. Но меняются люди в напряженно живущем, далеко не музейном Петербурге, лишь «сцена» остается неизменной. Так и живем мы в городе-памятнике.

Емкость ландшафта. Петербург как ландшафт характеризуется повышенной контрастностью, мозаичностью, вариативностью, уникальностью. В географии существует понятие «емкость ландшафта» — способность вмещать на меньшей территории больше сущностей. Петербург — крайне емкий ландшафт. Течение пространственно-временных процессов в Петербурге ускоряется.

Семантика города. С точки зрения семиологов, созданное человеком, от открытки до городского урочища, любой памятник искусства, культуры, архитектуры — это «сообщение». Следовательно, появление, функционирование и восприятие «сообщений» может быть изучено. Как? Надо научиться «читать» информацию, заложенную в объекте.

Текст — это все, что может быть воспринято любимыми органами чувств. Любой объект, который когда-то был создан людьми и который нам хочется считать текстом. Если есть посланный текст, то всегда существуют адресант и адресат, и коммуникация происходит именно между ними. Адресант — это тот, кто создает текст и тем самым «отправляет» сообщение в вечность. В этом сообщении и содержится информация, которую нужно «считать».

Испытывая величавую грусть и осознавая сложность жизни возле Зимнего дворца или в Павловском парке, мы «слышим» речь создателей города и «читаем» посланный нам текст.

Принцип голограммы. Урочища города семантически родственны. Находясь в каждом из них, человек «читает» принципиально один и тот же «текст».

Месторазвитие. Санкт-Петербург — это емкий, мозаичный ландшафт, возникший на границах различных сущностей. Это участок поверхности Земли, на котором время течет убыстренно. Это место, в котором ускоряется развитие и неживой, и живой, и мыслящей природы. Это участок земной поверхности, емкий, мозаичный ландшафт,

в котором происходит ускоренное развитие культуры.

Санкт-Петербург — это такое место, в котором всегда культура будет развиваться убыстренно. Любая культура. То, что бродит в культуре, что существует в ней — порой как неясное ощущение или эмоция (невольное хочется применить затасканное слово «менталитет»), — раньше всего скажется в Петербурге.

В историю России Петербург вошел как город, несущий совершенно определенный комплекс идей. Читатель вправе как угодно относиться к идеологии «русской Европы», к идее европеизации России, но именно эти идеи в Петербурге и проявляются. И даже шире: Петербург — вечное месторазвитие идей личной свободы, независимости, индивидуализма. Эти идеи выражаются, мягко говоря, на разном уровне: от идей либеральной интеллигенции конца XIX века до митька, в пьяном угаре бормочущего свое «дык...» и тем самым уходящего от речей Брежнева и прочего идеологического маразма.

В основном в Санкт-Петербурге развивался «русский европеизм». Но родился в нем и русский анархизм, и коммунизм, и нацизм. Родилась «беспредметная живопись», движения митьков, битников и много еще всякой глупости. В нем всегда рождалось то, чем было «беременно» массовое сознание. Петербург порой напоминает мне комнату, исполняющую желания — из «Сталкера» Андрея Тарковского.

Социоприродный феномен. Санкт-Петербург — это социоприродный феномен, построенный людьми. Но построенное сразу начало жить автономной жизнью феномена. Так обретает собственную судьбу статуя, картина или книга. Так начинает жить своим умом «сделанный» нами ребенок.

Осмелюсь напомнить: и отдельным людям, и культурам, сталкиваясь с Санкт-Петербургом, надо знать — это явление, находящееся вне контроля человека, не зависящее от наших желаний или воли и лишь в малой степени постигаемое нашим разумом.

Петербург сохранит главное в своей судьбе — останется «месторазвитием», если сбережет свое внутреннее ландшафтное и культурное многообразие.